

Андрей Александрович Гончаров, художественный руководитель одного из лучших и любимых в Москве театров — имени Вл. Маяковского. 60 лет работает в театре и в том числе 30 — в коллективе, который возглавляет сейчас. Кроме того — шесть десятилетий насчитывает его работа в Академии театрального искусства (бывший ГИТИС). В год 75-летнего юбилея Театра Маяковского (он состоится в ноябре) и накануне закрытия сезона мы беседуем с Мэтром. Где бы он ни находился, чем бы ни занимался, говорит он об одном — о Театре, которому предан фанатически.

СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ

— Хотелось бы уйти от традиционных банальностей и поговорить искренне о той профессии, которой отдана жизнь. Тем более что сезон был исключительным: единственный раз удалось поставить пять новых спектаклей, кроме того, выпустить хороший курс в академии, из которого 5—7 человек возьмем в театр.

Имейте в виду — эти итоги под занавес сезона — только начало тех действий, которые собираемся осуществить к юбилейной дате. В прошедшем сезоне в рамках международного фестиваля «Начало» были показаны в Москве лучшие работы моих учеников: Фоменко, Андреева, Яшина, Някروشюса, Дроздова и других.

Мы отдаем себе отчет, что будущий сезон станет очень ответственным. 75 лет назад Мейерхольд основал театр. Великие артисты работали на этой сцене. Их тени, которые витают в нашем доме, должны быть удовлетворены. Нам удалось не разединиться, не расколоться, хотя время как бы само провоцирует эти действия.

И тем не менее у меня миллион вопросов возникает в связи с нашей театральной жизнью и в частности с нашим театром. А подготовка к юбилею как бы заостряет их. Считается, что школа русского театра стала давно приоритетной. Но можно ли говорить так? К со-

Миллион вопросов

Бес. Москва. — 1998. — 28 июля. — с. 7.

Андрея Гончарова

жалению, то, что происходит на наших глазах, заставляет о многом задуматься.

Я не буду перечислять беды, которые свалились на нашу сцену. Я не буду говорить о помпезных и расточительных фестивалях, которых множество. Мне хотелось бы обратить внимание почтенной публики на неповторимость русского театра. И на то, что, приезжая к нам на фестиваль, тот же Петер Штайн по существу повторяет наши достижения и мы ему рукоплещем как новатору. Нам, убежден, надо помнить, как это начиналось у нас, о возникновении режиссуры, о главных заслугах русского театра и его традициях, которые не должны быть утеряны.

Оглядываясь на прошедший сезон, хочется подчеркнуть, что национальный русский театр дорог завоеванием тех позиций, которые сегодня с легкостью отдаются и дискредитируются.

Почему? Хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ СОВСЕМ

НЕ С ВЕШАЛКИ

— Андрей Александрович, как вы относитесь к утверждению о том, что русский психологический театр умер?

— А что же, позвольте вас спросить, должно тогда интересоваться театр, как не человек?! Театр-то начинается далеко не на вешалке. Психологический театр необходим, чтобы найти ответы на эти проклятые вопросы современности.

— И как вы их ищете?

— Я ищу их в зрительном зале. И нахожу. Почему у нас аншлаги? Потому что наш театр заботится о человеке, работает для человека и говорит о человеке. О человеке, для человека, про человека!

Сегодня, когда я набираю новый курс, я задаю себе еще один вопрос: а не должен ли я выпускать шоуменов и продюсеров, которыми меня все время завлекают? Нет! Богатство человека начинается с психологии. Надо искать исповедальность в театре и продолжать ее.

Развлекательные программы телевидения и других видов искусства, вернее их необозримое количество, меня тревожат — развивают ли они человека? И не забываем ли мы о главном качестве — о психологизме? Театральное движение надо искать в психологизме, в освоении нехоженых дорог, которые надо пройти со зрительным залом. Полным зрительным залом.

Мне непонятно, почему, когда в зале сидят по 20—30 человек и с недоумением взирают на сцену, это авангард? А не авангард ли сегодня проникновение в глубины человеческой психологии?

Может быть, я перегибаю палку, но развлекательность затрудняет воспитание молодого артиста. И зрителя тоже. А коммерциализация попросту лишает русский театр главного.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ

За последние 10 лет мы много нагадили. Сумели так дискредитировать свое прошлое, что теперь трудно восстановить статус-кво. Куда ни поглядишь — всюду наплевано, все с энтузиазмом захаркано. Мы сумели наплевать на русскую классику, сумели дискредитировать Горького, Маяковского, улицы вывернули наизнанку.

Недавно я лежал в больнице на бывшей улице Грановского, ныне — Романов переулок. Лежал и думал — какого Романова? На какой улице я лежу? И задал себе вопрос — а вообще, где та улица, где тот дом, где жило бы уважение к русской истории и в частности к достижениям отечественного драматического искусства?

И тут, простите, я затрону сегодняшнюю театральную критику, тех мальчиков и девочек, которые сидят в пустых залах и утверждают, что им нравится этот спектакль. Именно на таком личновкусовом, бездоказательном уровне «нравится — не нравится». Они не любят театр, и это беда. Когда-то прекрасные театральные критики, такие, как Марков, Бояджиев, уважительно относились к театру, умели анализиро-

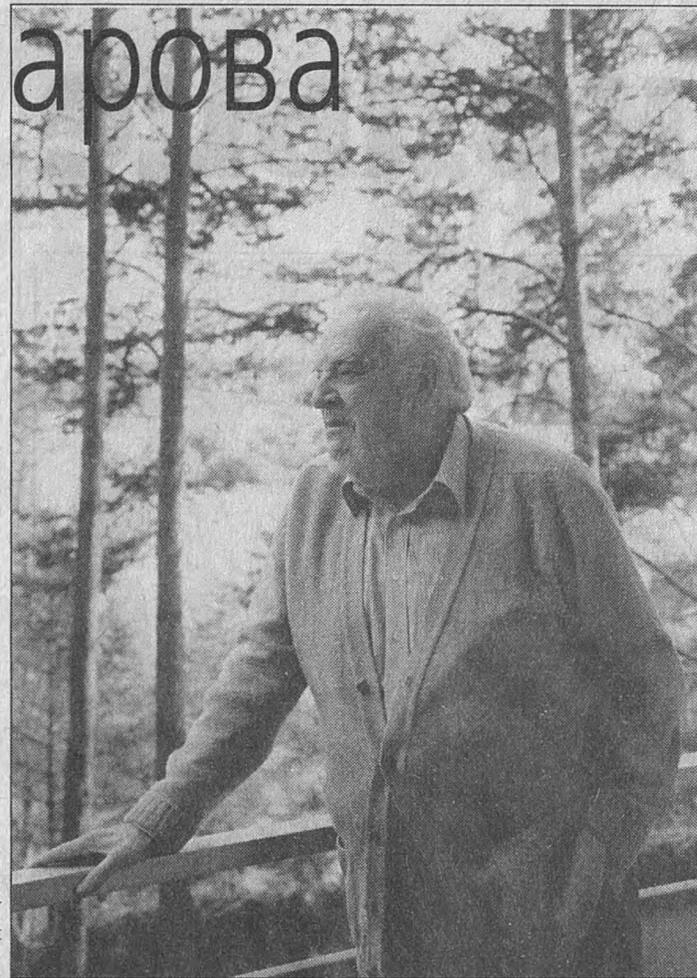

Фото Дмитрия АБАБЫ

вать его работу и, обладая отменной культурой, приносили несомненную пользу. Сейчас же театральная рецензия исчезает со страниц прессы. Ее заменяют субъективные, безграмотные зачастую заметки, из которых читатель выносит только одно впечатление: неумеренное самолюбование автора самим собой.

— Так вы против всякого новаторства?

— Разумеется, театр не стоит на месте. И конечно, надо искать какие-то новые пути. Но не в доверительно ли интимной искренней интонации на сцене их надо искать? Убежден, тонкий психологический спектакль стоит десяти развлекательных игр и программ по телевидению.

Почему же этого не понимают те, кто культивирует у нас легкую повальную развлекательность? На

эти вопросы я получаю ответ только в зрительном зале, когда он полон. Каждый пустой стул работает против меня. Если у театра нет зрителей, это очень опасный симптом. Отсюда и хотелось бы начать отсчет необходимости существования русского национального театра. Ведь в ряде стран национальные театры просто не существуют, а мы сами его игнорируем, забывая о русской традиции. С Бродвея, например, выгнана драма. Что ж — мы будем следовать Бродвею?

НЕ ЗАНЯТЬ ЛИ САМОУВАЖЕНИЯ У КИТАЙЦЕВ?

Я не могу больше смотреть на удешевленные копии западных зрелищ любого порядка. На всякие «Ники», «Кинотавры», «Киношоки». У меня кончается терпе-

ние, и я с удовольствием пользуюсь своим гражданским правом выключить телевизор.

Не заняты ли нам у китайцев самоуважение к себе и своей культуре? Если удастся найти ответы на эти вопросы или хотя бы получить надежду на ответы в этом юбилейном году, я буду считать сезон удавшимся. Без этого нам трудно будет жить.

Уже сегодня готовы три спектакля, с которых начнем сезон. «Человек из Ламанчи» в новой редакции. Поставленный 20 лет назад он сегодня может быть прочитан куда острее, как, например, и «Дети Ванюшина» — очень актуальная сегодня пьеса при разговоре о развале русского дома. Через 25 лет взглянуть на пьесу «свежими глазами» и убедиться: то, что творится кругом, часто куда страшнее и куда опаснее, чем было тогда, при написании пьесы.

Со сцены, в политике, в жизни нам много вдали. Хочется победить это повetrie. Хочется, чтобы к нам возвратилась интонация искренности, а то скрытность, которая появилась у человека как средство самозащиты, очень мешает общению. Может быть, именно драматическое искусство способно пробить этот панцирь скрытности?

Я долго думал, например, какой сегодня нужен зрителю Шекспир и заинтересовал пьесой «Как вам это понравится» 40 молодых людей — моих студентов. Все они вышли на сцену в одном спектакле, и выяснилось, что эти молодые люди нуждаются в любви, в добре, находят в работе над спектаклем эти забытые, закрытые качества человека. То же самое происходит, оказывается, на спектакле и с молодыми зрителями.

Словом, надо видеть и предвидеть ту необходимость, ту жажду, которую испытывает зритель по тому или иному произведению. Правда, предвидеть это чаще труднее, чем поставить спектакль. Но я опять отвлекся...

В 1922 году Леонид Андреев написал для МХАТа «Собачий вальс» — это будет ближайшей нашей премьерой, в которой мы добиваемся аллюзий, без которых не существует театр. «Чума на оба ваши дома» — так назвал пьесу Григорий Горин. Ее тоже покажем осенью. Надеюсь, что в этих работах будет прослеживаться то, что у театра есть последовательность, и не только в моих суждениях, но и в практике.

Искать в зрительном зале единомышленников, искать исповедальную интонацию — вот наше стремление. И надо себе обязательно ответить — где лежит эта дорога, которая ведет к Храму в театре.